

АРТЁМ РАДИН

НИЖНЯЯ УЛИЦА

У каждого была причина молчать.

Артём Радин
Нижняя улица

«Автор»

2026

Радин А.

Нижняя улица / А. Радин — «Автор», 2026

Когда вода отступила, город увидел то, что скрывал двадцать пять лет. На обмелевшем дне водохранилища находят автобус, исчезнувший во время страшного наводнения. Семеро пассажиров тогда не вернулись домой. Виновным признали водителя: он покинул машину, спасся и получил тюремный срок. Этим водителем был отец Веры Серовой. Вера приезжает в Верхореченск, чтобы продать дом умершей матери и навсегда уехать вместе с дочерью. Но автобус лежит вдали от маршрута, указанного в материалах дела. Старые документы не совпадают с показаниями свидетелей. Люди, четверть века хранившие молчание, явно знают больше, чем готовы рассказать. Вера начинает собственное расследование. Каждый найденный ответ приближает её к оправданию отца и одновременно к признанию, способному разрушить её отношения с дочерью. Ведь один из главных свидетелей той катастрофы всё это время молчал вместе со всеми. И этот свидетель — сама Вера.

© Радин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Артём Радин

Нижняя улица

Глава

Глава 1

Ключ вошёл до половины. Вера вынула его, проверила номер на бумажной бирке и снова вставила в замок, уже медленнее. Мать любила эти бирки: обрезок открытки, дырочка от шила, нитка. На одной стороне стояло «вход», на другой сохранилась золотая лапа новогоднего медведя. За три месяца после похорон картон размок и стал мягким по краям.

— Может, дверь другая? — спросила Ася.

Она стояла на нижней ступеньке, прижав коленом чемодан. На ней была чёрная толстовка, в которой она выехала из Ярославля ранним утром, и Вере хотелось предложить ей переодеться. В машине они уже поссорились из-за кондиционера, потом из-за остановки, потом просто потому, что устали. Вера промолчала и сильнее потянула дверь за ручку. Замок повернулся.

В прихожей оказалось холоднее, чем снаружи. На клеёнке под вешалкой лежали дведохлые мухи. Вера внесла сумки, велела Асе пока не разуваться и пошла открывать окна. На кухне под окном сохранился круглый след от ведра. В мае она сама поставила его под течь, а соседка, видимо, убрала. На кухонной форточке пришлось поддеть ножом засохшую краску. Мать каждую осень прокрашивала раму там, где дуло, превращая открывание окна в небольшую ремонтную работу.

Они собирались пробыть здесь десять дней. Риелтор обещал привести покупателей во вторник; к тому времени следовало убрать одежду из шкафов, перебрать бумаги и вывезти вещи, на которые было жалко смотреть в чужих руках. Вера рассчитывала взять швейную машинку, фотографии и чашку с синей полосой. Всё остальное можно было оставить вместе с домом, если покупатели согласятся. В машине это решение представлялось ясным и практичным. Теперь она держала нож с полустёртой деревянной ручкой и не знала, считается ли он вещью, которую нужно увезти.

Ася прошла в маленькую комнату, где раньше спала летом, и вернулась со свёрнутым одеялом.

— Тут мыши были.

На матрасе возле стены лежали тёмные крупинки. Вера попросила дочь не трогать, достала из пакета перчатки и новую тряпку. Пока она вытряхивала постель во дворе, Ася перенесла свой чемодан в большую комнату. Там кровать Надежды Петровны была застелена покрывалом с кистями. На тумбочке стояли пустой стакан, радиоприёмник и коробка таблеток, которую Вера не выбросила в мае. Она заметила, как дочь убрала коробку в нижний ящик, чтобы поставить зарядку. Обе сделали вид, что ничего особенного не произошло.

К четырём часам в доме пахло средством для пола и разогретыми пирожками из придорожной пекарни. Вера ела стоя, проверяя на телефоне расписание автобуса до райцентра. Машину следовало показать механику: последние двадцать километров под капотом посвистывало при поворотах. Завтра можно было добраться до магазина пешком, но до нотариуса и конторы, где выдавали архивные справки, идти через весь Верхореченск. Она привыкла рассчитывать расстояния. На работе это помогало, дома раздражало Асю.

— Мы ведь отсюда до двадцатого уедем?

Дочь отломил край пирожка, проверила начинку и положила его обратно. В конце августа у неё начинались занятия в художественной студии. Вера обещала отпуск на море. Теперь дни уходили на дом, а от запрошенной за него суммы покупатели готовы были дать едва две трети.

— До двадцатого, — сказала она. — Если с документами не возникнет проблем.

— Ты сначала говоришь «да», а потом добавляешь такую штуку, что уже нет.

Вера убрала телефон экраном вниз. Она могла бы объяснить, что сроки оформления от неё не зависят, но дочь знала это и без объяснений. Они доели в молчании. Через окно было видно, как на пустом участке напротив мальчик в резиновых сапогах тащит за верёвку обломок пластмассового подоконника. Из пыли за ним поднималась длинная ровная полоса.

Нижняя улица спускалась к реке. В детстве Вере запрещали кататься здесь на велосипеде без тормозов, и она всё равно каталась, сворачивая перед последним домом в траву. Последнего дома теперь не было. На его месте стоял забор из серого профлиста с большой вывеской «ЛУТА. БЕРЕГ ДЛЯ ЖИЗНИ». На картинке две женщины в белых брюках пили кофе за столиком у воды. В действительности воды под забором не было: жара стояла больше месяца, а водохранилище ниже города ещё и спускали ради ремонта. Между кустами виднелись пологие полосы высохшего ила.

Соседка пришла, когда Вера выносила к воротам первый мешок. Лидия Семёновна принесла огурцы в ведёрке из-под майонеза и сразу спросила, не заберёт ли Вера бельевые верёвки. Её собственные перетёрлись, а эти были хорошие, с металлической жилой.

— Забирайте, — разрешила Вера. — Только через неделю.

Лидия Семёновна сунула огурцы ей в руки. На левой ноге у неё был растоптанный мужской тапок, на правой обычная сандалия. Нога после перелома распухла; Вера помнила, как мать рассказывала об этом по телефону, перечисляя чужие болезни прежде своих. Соседка пояснила, что ведро убрала, потому что вода протухла, и что цветок на веранде всё-таки засох. Его, кажется, уже было не спасти. Извинялась она именно за цветок, хотя Вера даже не могла вспомнить, какой там стоял.

Потом заговорили о продаже. По словам Лидии Семёновны, здесь выкупали всё до поворота, но платить много не хотели. Корнееву нужна была целая линия участков; без неё новый берег оставался с задними дворами, сараями и чужими огородами. Вере знакомо было это имя. В Верхореченске его носили стройка, машины для вывоза мусора и ежегодные наборы к празднику для пенсионеров. Когда-то его произносили в их доме тише обычного.

— Мне звонил его человек, — сказала Вера. — Пока ничего не решили.

Соседка стала поправлять крышку на ведёрке, хотя та держалась плотно.

— Ты с деньгами осторожней. Торопиться им надо, не тебе.

Из комнаты донёсся голос Аси. Она звала мать без обычного раздражения, и Вера сразу пошла в дом, оставив мешок у порога.

На телефоне у дочери было открыто вертикальное видео. Камера двигалась рывками: серый берег, чьи-то ноги, жёлтая трава. Потом в кадр попало железо. Низкий ребристый бок, два прямоугольных окна, из которых торчала глина. Молодой голос за кадром говорил, что нашли автобус, реально автобус, и что сейчас приедут менты. Кто-то смеялся. Ася остановила запись, увеличила изображение и поднесла экран ближе.

— Это про бабушку?

Вера взяла телефон. На борту под ржавчиной сохранилась тёмно-красная полоса. Такие автобусы возили рабочих со стройки; в городе их было три или четыре. Она помнила металлическую табличку у водительского места, толстую резиновую накладку на рычаге, запах мокрых ватников осенью. Отец иногда давал ей щёлкнуть выключателем над дверью, и створки складывались с хрипом.

На видео виден был только бок. Номер разглядеть не удавалось. По одной красной полосе машину не опознаешь. Вера повторила это про себя, пока палец возвращал запись к началу.

— Где ты нашла?

— Городская группа. Мне Даша скинула. Тут пишут, что старый, со стройки. И что люди внутри.

Вера выключила звук. За её спиной Лидия Семёновна поставила ведёрко на стол, отодвинув тарелку с недоеденными пирожками.

— С утра там ходят. У насосной.

— Его искали у моста, — сказала Вера.

Соседка не ответила. В комнате стало слышно, как на подоконнике дребезжит телефон, подключённый к зарядке. Ася протянула руку за своим, но Вера ещё раз посмотрела остановленный кадр. Из глины торчала верхняя половина автобуса. Он лежал под наклоном, передней частью к остаткам бетонной площадки. За ним виднелись два коротких столба, между которыми когда-то была цепь.

Вера отдала телефон и пошла к вешалке за ключами от машины.

— Я с тобой, — сказала Ася.

— Останься здесь.

— Мам, я уже видела.

Вера держала связку так крепко, что зубцы маленького ключа от почтового ящика впились в ладонь. Она ослабила пальцы и сняла с крючка дочернюю сумку, которую та всегда забывала. На столе лежал список дел: крыша, нотариус, машина, покупатели. Вера перевернула лист чистой стороной вверх.

Глава 2

До насосной они не доехали. На повороте стояла патрульная машина, за ней два легковых автомобиля и фургон с открытыми дверями. Люди обходили их по обочине. Вера нашла место возле заброшенного магазина и попросила Асю не уходить вперёд. Та ещё в доме переделалась, но кроссовки оставила белые, и теперь подошвы сразу увязли в мягкой пыли.

На старую дорогу спускались по тропинке между крапивой и забором. Здесь берег всегда был пологим; когда водохранилище наполнили, под воду ушли площадка насосной, часть служебного проезда и первые огороды. Теперь всё это проступило наружу. Над низкой каменной стенкой высилась заросль лопухов, ниже шли иссохшие гряды с грязно-белой коркой. Вера задержалась у края. Она бывала на этом месте после похорон отца, когда здесь стояла вода, и никогда не думала, что под поверхностью можно будет когда-нибудь различить дорогу.

Возле ленты собрались человек двадцать. Кто-то пришёл прямо с речного пляжа: мокрые волосы, полотенце на плечах. Мужчина с пивной банкой рассказывал, что автобус, скорее всего, угнанный. Вера протиснулась между ним и женщиной с велосипедом. Ася осталась рядом, прижав локти к бокам.

Внизу работали трое. Один стоял на широкой доске, положенной на ил, другой фотографировал издали. Третий протягивал им ящик с инструментами. Автобус был гораздо дальше, чем выглядел на видео. Вера видела бурый корпус, крышу с небольшим люком и тёмную выемку там, где должна была быть дверь. За двадцать пять лет всё, по чему она могла бы узнать отцовскую машину, почти исчезло. Она продолжала узнавать.

Полицейский у ленты попросил отойти на шаг. Вера назвала фамилию и сказала, что её отец водил служебный автобус, который пропал во время наводнения. Полицейский выслушал её, переспросил имя отца и отошёл к машине. В толпе стало тише. Женщина с велосипедом повернула переднее колесо, освобождая место.

Пока они ждали, со стороны стройки подошёл широкоплечий мужчина в выцветшей серой футболке. В руке он нёс моток строп, и Вера узнала его раньше, чем он поднял голову. Михаил за последние годы поправился, коротко остриг волосы и отрастил аккуратную бороду, которая делала его похожим на собственного отца. В школе его звали Мишкой Зуевым. Она всё ещё не могла мысленно назвать его Михаилом.

— Ты когда приехала? — спросил он.

У Веры нашёлся только короткий ответ. Миша поставил стропы на землю, поздоровался с Асей и сказал, что работает тут с утра: подогнал машину с лебёдкой, но вытаскивать автобус пока не будут, сначала нужно укрепить подход. Он говорил о досках и весе, не употребляя слова, ради которого пришли остальные. Из толпы крикнули, сколько нашли. Миша даже не повернулся.

Ася спросила, откуда он знает её имя. Он объяснил, что видел фотографии у Надежды Петровны: у неё вся стенка была в Асиной жизни, от первого снега до последнего школьного концерта. Дочь перестала ковырять носком землю. Вера хотела сказать, что фотографии со стенки уже сложены в коробку, и удержалась. Она ещё ничего не складывала.

К ним вышел человек в светлой рубашке с закатанными рукавами. Представился Кочетковым, спросил Веру об адресе и телефоне. Записывал на небольшом бланке, подложив под него папку. Он не подтвердил, чей автобус нашли. Сказал, что обстоятельства устанавливаются, и попросил не опираться на сообщения в интернете. В понедельник можно будет поговорить подробнее. Если дома остались документы отца, фотографии машины, старые письма, пусть не выбрасывает.

— Его ведь искали в другом месте, — сказала Вера. — Ниже моста.

Кочетков закончил записывать номер и проверил последнюю цифру.

— Я пока вижу место, где он находится сейчас. Как он здесь оказался, будем выяснять.

В его спокойствии было что-то обидное. Вера собиралась объяснить, что знает разницу между предположением и установленным фактом, сама занимается обследованием зданий, но Ася потянула её за рукав. К толпе подходила Тамара Лосева.

Она шла в рабочем халате, поверх которого накинула лёгкий плащ. На груди висел бейдж из аптеки. Раньше Тамара работала в детской поликлинике, и Вера помнила её руки над металлическим лотком: короткие ногти, полоска от часов, маленький шрам возле большого пальца. Сейчас в руках у неё был прозрачный файл с фотографией. Она, видимо, схватила его дома и пришла, не подобрав сумку по размеру.

Тамара узнала Веру. Задержала на ней глаза, потом перевела их на Асю, которая стояла почти вровень с матерью. Кочетков сам вышел ей навстречу и проводил к патрульной машине. Никто не остановил Тамару у ленты. Вера почувствовала благодарность за эту простую вещь и тут же спрятала руки в карманы, потому что не знала, что с ними делать.

На фотографии в файле была Оля. Снимок Вера видела много раз: девочка в белой кофте с вышитой вишней, волосы стянуты резинкой на затылке. В августе, когда она исчезла, Оле исполнилось семь. Вера тогда была старше на шесть лет и считала эту разницу достаточной, чтобы никогда не брать её с собой.

Миша поднял стропы. Сказал, что вечером может заглянуть: Надежда Петровна жаловалась ему на крыльцо, там надо было проверить крайнюю доску. Вера ответила, что машина свистит, и он предложил заодно послушать. Разговор получился такой будничным, что посторонний человек решил бы, будто они встретились возле рынка. Вера за эту возможность уцепилась. Уточнила время, описала звук, спросила, сколько у него будет стоять работа.

— Сначала послушаю, — сказал Миша. — Не всё, что свистит, дорого.

Обратно Ася шла медленно. У магазина она остановилась и попросила воды. Вера открыла багажник, достала тёплую бутылку из упаковки. Дочь попила и передала ей. На пластмассе осталась пыль от пальцев.

— Дедушка ушёл из автобуса?

Вера посмотрела через дорогу. На стене магазина под старой вывеской кто-то нарисовал чёрного зайца с огромными зубами. Она помнила, как здесь продавали мороженое в брикетах без палочек. Оля ела его, держась за бумажную обёртку, и всегда пачкала запястья.

— Да. Он остался жив.

— А люди?

— Семеро не вернулись.

Ася закрутила крышку. Больше вопросов она не задала, и Вера поняла, что дочь оставила их при себе. Раньше она рассказывала ей об отце коротко: был несчастный случай, его обвинили, он сидел в тюрьме, потом заболел. Она отобрала из двадцати пяти лет четыре события, которые можно произнести за минуту и переждать детское сочувствие.

Вечером, пока Миша возился у открытого капота, Вера достала из шкафа коробку с фотографиями. Там лежали и бумаги по делу. Мать держала их отдельно, в плотном пакете из хозяйственного магазина. На первой странице копии приговора была фамилия отца. Ниже шли дата рождения и место работы. Вера провела пальцем по строчке, оставив на бумаге серый след.

Она не читала этот документ с восемнадцати лет. Тогда казалось, что если достаточно долго рассматривать буквы, можно найти ошибку, после которой всё исправят. Отец отсидел уже пять лет, писал короткие письма, в которых спрашивал о зубах матери и учёбе Веры. Сам он утверждал, что автобус пошёл по указанному маршруту, а пассажиров он оставил, чтобы открыть проезд. Цепь оказалась заперта. Ключ был у дежурного на насосной. Когда Сергей дошёл до здания, вода уже пересекала площадку. Он побежал вверх.

На суде это называлось оставлением людей в опасности. Дома мать говорила, что он потерялся. Вера не произносила ни того, ни другого. У неё было собственное слово, но оно относилось прежде всего к ней.

В тот день Тамара привела Олю к ним после обеда. Ей срочно пришлось выйти в смену, а Надежда Петровна обещала присмотреть за ребёнком. Мать сама задерживалась в магазине, и до её возвращения оставалось полчаса. Вера договорилась встретиться с Мишей у стадиона. Он должен был принести кассету; ничего важнее в тот день у неё не было.

Она отвела Олю к отцовскому автобусу и сказала, что мама разрешила девочке прокатиться, пока Сергей забирает рабочих. Отцу торопиться хотелось больше, чем разбираться. Он посадил Олю на переднее сиденье, подложил под ноги деревянный ящик и пообещал привезти через час. Вера побежала к стадиону.

Когда мать вернулась, она сказала, что отец сам забрал Олю.

В комнате Ася смеялась над сообщением подруги. Из окна пахло нагретой яблоневого листовой и машинным маслом. Вера закрыла пакет с приговором. У неё оставалось несколько минут, прежде чем придётся выйти к Мише и говорить о ремне генератора.

Глава 3

В воскресенье Вера проснулась от того, что Ася вытаскивала сумку из-под её кровати. Дочь старалась не шуметь: придерживала металлическую пряжку, чтобы та не скребла по полу, и от этого возилась вдвое дольше. Сквозь занавеску проходил яркий свет. В телефоне было половина девятого и семь непрочитанных сообщений от людей, которые обычно не писали Вере по выходным.

Она спросила, куда Ася собирается. Та ответила, что в магазин за йогуртом. В холодильнике после их приезда лежали огурцы, пачка масла и курица, которую ещё нужно было приготовить. Разговора об автобусе дочь не заводила. Вера тоже отложила его: попросила купить хлеб, сунула деньги в карман сумки и напонила про переход. Когда дверь закрылась, она села в кровати, не понимая, на что потратила эту короткую возможность поговорить.

Сообщения были одинаковыми по смыслу. «Ты видела?» «Это про вашего?» «Держись». Одноклассница приложила ссылку на тот самый ролик. Вера удалила его, затем всё-таки написала спасибо, чтобы человек не решил, что она обиделась. От риелтора пришёл голосовой вопрос: остаётся ли в силе вторник. Вера подтвердила. Дом требовалось продать, независимо от того, что нашли у насосной.

Миша пришёл около десяти с новым ремнём. Вчера он подтянул старый, но на внутренней стороне уже пошли трещины. Работать согласился во дворе, потому что в мастерской по воскресеньям занимался своими делами и не хотел тащить туда Веру ради получаса. Он принёс и короткую сосновую доску для крыльца. Вера, открыв калитку, увидела обе вещи и приготовилась спорить о плате, но Миша сразу назвал цену ремня, показал чек и попросил заварить крепкий чай.

У себя дома она бы поставила перед гостем пакетик в кружке. Здесь достала стеклянный заварник, вымыла серую сеточку, поискала сахар. На верхней полке стояла жестяная коробка с надписью «Ассорти», в которой мать держала швейные иглы. Сахар оказался в банке из-под кофе. Все предметы нашли себе места после того, как Вера уехала, и теперь приходилось заново изучать кухню, где она выросла.

Миша закончил с машиной и принялся за крыльцо. Он поддел сгнивший край доски, вытащил из кармана маленькую коробочку для гвоздей. Вера вспомнила, что его отец держал гвозди во рту, и поймала себя на том, что ждёт от сына того же движения. Вместо этого Миша попросил у неё карандаш. Карандаша не нашлось. Нашлась целая кружка шариковых ручек, из которых писала одна.

Ася вернулась с хлебом и йогуртами. Между покупками лежало объявление о новом пункте выдачи, которое ей положили в пакет. Она положила покупки на стол, потом спустилась к Мише и спросила, можно ли забрать выброшенную доску. Ей нужна была старая фактура для рисунка. Миша отделил кусок без торчащих гвоздей и объяснил, что сначала его лучше просушить. Вера наблюдала из кухни, как дочь задаёт незнакомому человеку обычные вопросы и получает обычные ответы. С ней самой Ася почти всё время заранее защищалась.

За чаем Миша рассказал о своей дочери. Соне было десять, она жила с матерью в райцентре, а по субботам приезжала к нему. Вчера он должен был везти её на озеро и вместо этого провёл день у автобуса. Бывшая жена привезла Соню в мастерскую, прождала сорок минут и уехала. Он показал фотографию девочки в велосипедном шлеме. Вера сказала, что у неё его глаза, и сразу поняла, насколько это дежурная фраза. На фотографии глаза были прикрыты цветными очками.

Миша убрал телефон без замечания.

— Мама хочет зайти к тебе, — сказал он. — Только не знает, удобно ли.

Раису Петровну Вера видела на похоронах. Та сидела у конца стола, ела мало и при прощании долго держала её руку. Когда-то Раиса Петровна была диспетчером на стройке. Она знала, кто вышел в смену, какая машина не заводится и кому Сергей Серов отдал последнюю пачку сигарет. Вера спросила, остались ли у неё какие-нибудь бумаги тех лет.

Миша поставил блюдце поверх пустой чашки.

— Ты лучше сама спроси.

Он сказал это без предостережения, но чай закончился именно на этой фразе. Собрал инструменты, проверил, закрывается ли капот, и уехал. Вера стояла у ворот дольше, чем требовалось для прощания. На новой доске ещё лежали светлые опилки. Она смахнула их ладонью, загнала занозу и вернулась за иглой.

В жестяной коробке, кроме игл и катушек, лежали свёрнутые квитанции. Вера вынула их все, опасаясь уронить иглу, и обнаружила плотный конверт без марки. Внутри было четыре листа. На первом была расписка матери в получении денег, написанная двадцать три года назад, когда отец уже сидел. Сумма стояла и цифрами, и прописью. Внизу находилась подпись Глеба Андреевича Корнеева.

Остальные три листа были напечатаны. Компания выделяла Надежде Петровне средства в связи с тяжёлыми семейными обстоятельствами. Получательница подтверждала, что не имеет дополнительных материальных требований к организации по поводу происшествия восемнадцатого августа. Вера перечитала эту часть, потом вернулась к дате. В тот год ей купили компьютер и зимние сапоги, впервые за долгое время новые. Мать сказала, что взяла ссуду на работе.

На обороте последнего листа стояли карандашные суммы и фамилии. «Лосевой — на обследование». «Куликовым — лекарства». «Сергею — передача». Дальше перечислялись цифры без пояснений. Вера узнавала почерк, включая привычку перечёркивать семёрку, и ждала, что одна из строчек окажется знакомой ей самой. Ничего похожего на оплату компьютера не было. Это почему-то не успокоило.

Она положила документы в прозрачный пакет. Ася сидела на веранде и рисовала доску: гвоздевое отверстие, сломанный край, маленький тёмный сучок. Вера спросила, не хочет ли она пройтись до аптеки. Дочь подняла голову от бумаги и попросила купить пластырь, если Вера пойдёт одна.

Тамара обслуживала пожилого мужчину, который никак не мог вспомнить название лекарства. Она предлагала варианты, он отвергал каждый, наконец назвал цвет коробки. На стене за прилавком висел календарь с морем. Вера встала возле витрины с детскими витаминами и поняла, что заранее составленная фраза никуда не годится. Нельзя подойти к человеку в аптеке и спросить, платила ли ему твоя мать за смерть ребёнка.

Когда очередь закончилась, Тамара сама отодвинула стекло в маленьком окошке.

— Тебе что-то нужно?

Вера купила пластырь. Потом сказала, что разбирает бумаги Надежды Петровны и нашла записи о помощи семьям. Про Корнеева она пока не упомянула. Тамара выслушала её, отрезала чек и оставила лежать на прилавке.

— Она мне после операции платила за сиделку. Ты об этом?

Вера кивнула. Вчера у Тамары в руках была фотография Оли; сегодня эти же руки складывали в пакетик пластырь и чек. На безымянном пальце кожа была светлее, чем на остальных.

— Я предлагала вернуть, — продолжила Тамара. — Она сказала, отдашь, когда сможешь. Потом мы обе перестали считать.

Вера почувствовала, что следующий вопрос прозвучит оскорбительно, и всё равно спросила, знала ли Тамара, откуда деньги. Та сразу подвинула пакет к краю прилавка.

— Я знала, что не могу сама дойти до туалета. Этого на тот момент хватало.

С улицы вошла женщина с ребёнком. Тамара поздоровалась с ними, а Вера забрала покупку и отошла. На выходе чуть не задела стойку с бахилами. Через стекло было видно, как Тамара наклоняется к ребёнку, показывая ему коробку с нарисованным медведем.

Во дворе к её возвращению стояла незнакомая машина. Молодой мужчина в рубашке с короткими рукавами разговаривал с Асей через открытое окно веранды. Увидев Веру, он сразу отошёл от дома и представился: Никита Корнеев, по вопросу покупки. Отец просил узнать, удобно ли ей встретиться завтра.

На пассажирском сиденье у него лежала папка с фотографией будущей набережной. Никита достал её, но не открыл. Сообщил сумму, заметно больше той, которую называл риелтор. Дом можно было передать с мебелью. Расходы на оформление брали на себя. Ему нужен был участок, а Вере, насколько он понимал, нужно было вернуться к своей жизни.

— Откуда вы знаете, что мне нужно?

Никита замялся, затем пояснил, что всего лишь имеет в виду дорогу, отпуск и ребёнка. Сказал это довольно неловко и оттого выглядел моложе своих двадцати восьми лет. Вера посмотрела на пакет с пластырем, который всё ещё держала, и предложила поговорить завтра в четыре. Ей требовались деньги. Ещё больше теперь требовалось узнать, почему её мать взяла деньги у его отца.

Глава 4

Кочетков принимал в комнате, где одному столу мешал другой. Чтобы пропустить Веру, ему пришлось задвинуть нижний ящик и перенести коробку с бумагами на подоконник. На полу возле батареи сохранился прямоугольник более тёмного линолеума. Здесь недавно стоял шкаф, и у Веры по профессиональной привычке возникло желание выяснить, не он ли прикрывал трещину в стене. Она занялась этой мыслью, пока Кочетков искал чистый лист.

С собой она принесла пакет матери, несколько фотографий и конверт из жестяной коробки. Дома сфотографировала каждый лист. На одном снимке в кадр попала Асина рука: дочь удерживала загибающийся угол, пока Вера выравнивала телефон. Ни о чём не спрашивала. Утром Ася предложила пойти вместе, но Вера сказала, что в полиции придётся долго сидеть в коридоре. На этот раз возражений не было.

Кочетков просмотрел приговор, отложил расписку и вернулся к приложению с нарисованным отцом маршрутом. Чертёж был неровный, без масштаба. Сергей обозначил насосную квадратиком, цепь двумя кружками, мост короткой поперечной линией. Под схемой рукой адвоката были записаны пояснения. Вера знала эту страницу. Раньше она читала пояснения; теперь следила за линией, которая поворачивала к насосной, оставляя мост в стороне.

— Следствие решило, что он придумал насосную, — сказала она.

Кочетков попросил её пока рассказать всё по порядку: когда видела отца в тот день, во сколько он уехал, разговаривал ли с кем-нибудь. Вера сообщила, что после трёх привела к автобусу Олю Лосеву. Он поднял голову от бумаги.

— Вы передали ему ребёнка?

— Да.

Кочетков уточнил, кто об этом просил. Вера несколько секунд смотрела на коробку у окна, где из-под крышки торчал угол жёлтого скоросшивателя, потом назвала себя. Сказала, что собиралась на стадион и не хотела брать девочку. Вопрос о разрешении матери всё равно прозвучал. На него Вера ответила тоже. Кочетков записал без комментария, и это оказалось тяжелее, чем если бы он что-нибудь сказал.

Когда ей дали прочесть запись, она исправила «ушла гулять» на «пошла на стадион». Поставить подпись под словом «гулять» она не смогла. Кочетков переписал фразу и предложил воды из кулера. Вера отказалась, затем всё-таки взяла стакан и выпила в два приёма.

Расписку он принял вместе с соглашением, перечислив все листы. Пообещал выдать документ о том, что получил их от неё. Он не считал выплату доказательством чьей-то вины, но выяснить её обстоятельства собирался. Старое дело требовалось получить из архива. Автобус ещё не осмотрели целиком, личности погибших предстояло устанавливать отдельно. Вера слушала и понимала, что за выходные успела провести собственное расследование значительно дальше, чем позволяли факты.

На прощание Кочетков спросил, не осталось ли у матери личных записей Сергея. Вера вспомнила кассету в коробке с фотографиями. На обложке стояли дата и слово «жалоба». Мать записывала отца после освобождения, когда они пытались составить новое обращение. Вера тогда училась и приезжала редко; кассету никогда не слушала. Кочетков попросил сохранить её тоже. В машине Вера нашла в телефоне номер Миши и написала, есть ли у него магнитофон.

До встречи с Корнеевым оставалось четыре часа. Она заехала в магазин, купила курицу на замену той, которую утром обнаружила испорченной, и банку кофе. Дома Ася жарила картошку на старой чугунной сковороде. Половина прилипла ко дну. Дочь пыталась соскоблить её металлической лопаткой и злилась, когда Вера предложила помочь.

— Дай просто доготовить.

Вера положила покупки на стол и села. Она не сказала, что огонь слишком сильный. Не переставила соль, стоявшую близко к краю. Когда картошка оказалась на тарелках, они ели самые удачные куски сверху. Нижний слой Ася назвала экспериментальным, и Вера рассмеялась, хотя это была довольно слабая шутка. Смех закончился быстро, но после него можно было спросить, как дочь спала.

Ночью Асе несколько раз приходили сообщения от знакомых. Кто-то нашёл старую статью об автобусе и прислал ей фамилию деда, обведённую красным. Она заблокировала этого человека. Вера сразу захотела узнать, кого именно, но дочь отказалась показывать переписку. Сказала, что сама разобралась. Потом спросила, правда ли дедушка был пьян.

— Нет, — ответила Вера. — Этого в деле нет. Люди добавляют.

— А что там есть?

Вера подвинула к дочери копию приговора, которую утром оставила дома. Ася несколько минут читала первую страницу, затем отодвинула. Бумага была труднее чужого злого сообщения. Они договорились, что вечером Вера расскажет словами. Она собиралась поговорить после встречи с Корнеевым, за ужином.

Корнеев ждал её в конторе над магазином стройматериалов. Из окна кабинета были видны новые дома на Верхней улице и школьное поле, где двое мужчин косили траву. Глеб Андреевич оказался ниже, чем Вера помнила. Он ходил с тростью, которую ставил возле стула, и постоянно поправлял на запястье широкий ремешок часов. На фотографиях из местных новостей у него было более гладкое лицо.

Никита сидел сбоку с ноутбуком. Отец попросил его принести договор, а когда тот вышел, предложил Вере чай. Она отказалась и положила на стол копию материнского соглашения. Корнеев прочёл верхние две строки, дальше смотреть не стал.

— Надя очень тяжело тогда жила. Я помог.

— Почему понадобилось писать, что у неё нет требований?

— Потому что деньги давала организация. Там бухгалтерия, юристы. Такие бумаги ко всем выплатам делали.

Вера спросила, кому ещё платили. Корнеев сказал, что точно не помнит, нужно поднимать документы, и эта часть разговора, возможно, была честной. Прошло больше двадцати лет. Она помнила цену своих сапог, а он, вероятно, не помнил, сколько стоила вся их зима.

Потом Корнеев заговорил о Сергее. Назвал его хорошим водителем, сказал, что тот знал дорогу и всегда помогал людям. Вера выслушала до конца, не позволяя себе вставить ни слова.

— Так почему он поехал к старому мосту?

— Я не знаю, Вера.

— А если он туда не ехал?

Корнеев подтянул к себе трость за изогнутую ручку. За дверью кто-то смеялся, звякнула чашка. Он сказал, что в тот день вода несла машины, доски, брёвна. Автобус могло развернуть и протащить далеко от дороги. Это предстояло выяснять специалистам. Он не понимал, зачем она спрашивает его так, как будто он сидел за рулём.

Вера достала фотографию отцовской схемы и повернула экран к нему. Рассказала о цепи, которую помнил отец, и о столбах, видных на берегу сейчас. Корнеев не стал брать телефон. Сказал только, что насосная и тогда стояла на месте. Её отец работал здесь много лет и мог нарисовать любой маршрут.

Никита вернулся с бумагами и остановился в дверях. Вера убрала телефон. Взять копию договора она согласилась, подписывать в тот день ничего не стала. Корнеев больше не уговаривал. Когда она уже поднялась, он сказал, что на берегу будет двадцать восемь постоянных рабочих мест. Кафе, уборка, обслуживание. Люди сейчас ездили в район на смены, оставляя детей бабушкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.